

УДК 811.161.1

КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ГРУППЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

© 2010 г.

Н.Ф. Кривова

Удмуртский госуниверситет, Ижевск

krivova-nadi@mail.ru

Поступила в редакцию 11.05.2010

Функционирование категория социальной оценки в группе существительных со значением лица зависит от позиции той социальной группы, к которой принадлежит автор речи, адресант.

Ключевые слова: социальная оценка, семантика.

Принцип социальной оценки, предложенный Г.Я. Солгаником, «определяет во многом отбор языковых средств, призванных выразить прежде всего социальную оценку фактов, явлений, событий» [1: 11].

Рассмотрим проявление этого принципа в кругу существительных со значением лица, являющихся производными от *брат*, сосредоточив внимание на семантической и стилистической трансформации лексем *браток*, *братва*.

Характеризуя в целом систему синонимических отношений на базе производящего *брат* — ‘сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим детям’ [Сл. Ожегова: 58], нельзя не отметить, что, начиная с древнерусского периода развития языка, синонимические образования этого ряда были многочисленны и имели, как правило, позитивную коннотацию: *братик*, *братишка*, *братенок*, *братище*. Заметим, что лексему *браток* словари древнерусского языка не фиксируют. С пометой ‘просторечное, новое’ она появляется в словаре Д.Н. Ушакова, где толкуется через синоним *братишка* и характеризует родственные отношения. Второе значение лексемы *браток*, отмеченное в этом словаре, — ‘фамильярное или дружеское обращение к лицу мужского пола’. Оно имеет большую степень фамильярности, чем синонимичные обращения *брат*, *братишка*.

Лексема *братва* появляется на страницах словарных изданий тоже довольно поздно — лишь в Толковом словаре русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, где сопровождается характеристикой ‘собирательное’ и имеет значение ‘товарищи, ребята’ [Сл. Ушакова: Т. 1, 83]. Употреблявшаяся в начале 20 века в основном в функции обращения эта лексема не содержала в своей семантике негативной оценки, что подтверждается сочетаемостью ее с опреде-

лениями *наша*, *комсомольская*, *отважная*, например: *Теперь на всей земле пожар начался. Восстали рабы и старую жизнь должны пустить на дно. Но для этого нужна братва отважная, не маменькины сынки, а народ крепкой породы.* (Н. Островский. Как закалялась сталь. Ч. 1, гл. 5). Противопоставление *братвы маменькиным сынкам* и уточнение семантики рассматриваемой лексемы с помощью словосочетания *народ крепкой породы* подчеркивает, безусловно, положительную оценку характеризуемой группы лиц.

По мере приближения к нашему времени стилистические характеристики анализируемых лексем меняются. С одной стороны, в толковых словарях литературного русского языка конца XX – начала XXI века слово *братва* в значении ‘друзья, товарищи’ приобретает помету ‘устаревшее’ [Сл. Кузнецова: 54]. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением В.В.Химика, что лексема *братва* в этом значении продолжает употребляться в устной речи, придавая ей разговорно–сниженный характер, например: *Если надо, свистну – вся наша братва соберется и поможет.* [Сл. Химика: 57].

В значении «приятели–товарищи» эта лексема встречается сегодня и в художественных текстах, например: *Я побрел на рабочую площадку, поднялся по шаткой лестнице. <...> Братва уже обреталась там, усиленно смоля сигареты и с отвращением расплющивая их о лезвия лопат* (В. Цыганов. Мой Екатеринбург).

Важно отметить, что во всех случаях адресант речи не позиционирует лексему *братва* в этом значении с негативной социальной оценкой.

С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что широкая сфера употребления этой лексемы отмечается и в словарях русского

жаргона, где дается ее детальная стилистическая маркировка. Так, в Большом словаре русского жаргона отмечено, что слово *братва* в речи уголовников используется в значении 'друзья–сообщники', в арестантском жаргоне имеет значение 'сокамерники', а в криминальном – 'члены группировок рэкетиров, криминальных структур в экономике, мафиозных группировок'. [Сл. жаргона: 75]. Этот же процесс характерен и для лексемы *браток*. Таким образом, и жаргонизмы, и разговорные слова являлись в основном принадлежностью устной формы функционирования языка и, будучи средством распознавания «своих», употребляясь с целью подчеркивания принадлежности адресата к той же социальной общности, к тому же «братству», не содержали негативной оценки.

Нетрудно заметить, что толкование обеих лексем в криминальном жаргоне дается через ряд понятий, относительно недавно вошедших в русский язык. 'Рэкетеры', 'криминальные структуры', 'мафиозные группировки' – все эти понятия пришли в наш язык в эпоху резкого изменения социально-политической обстановки в России, сопровождавшегося, как известно, взрывом преступности. Активизация деятельности криминального мира не могла не отразиться на лексической системе русского языка. Необходимость номинации представителей новых криминальных профессий способствовала расширению значений целого ряда слов. Не миновала этих метаморфоз и семантика лексем *братва* и *браток* (мн.ч. *братки*). Если до 90-х годов XX века лексемы использовались в речи людей определенной социальной группы, то в настоящее время сфера их употребления изменилась: жаргонные слова получили доступ в функциональные стили русского языка. В доперестроечный период развития страны проникновению жаргонизмов в тексты литературного языка препятствовала цензура, но к началу XXI века жаргон практически беспрепятственно занял прочные позиции и в бытовой речи, и в текстах средств массовой информации.

Жаргонизмы входят в литературный язык и через художественную литературу: жанр детективного романа становится необычайно популярным, и широкий круг читателей быстро усваивает значение жаргонных и арготических слов, а затем и переносит их в свою разговорную речь. Показательно, что к семантике проникших в литературный язык жаргонизмов подключается эмоционально–экспрессивная оценка деятельности *братвы*, отмеченная, например, А.Д. Кириловой в Толковом словаре разговор-

ного русского языка: при толковании лексемы используется слово 'бандит', содержащее в своей семантике ярко выраженную негативную оценку лица. Усиливает эту оценку и используемое в толковании сочетание 'преступная группировка', подчеркивающее незаконность ее деятельности: *Братва* – 'бандиты, члены преступной группировки' [Сл. Кириловой: 41]. Ср.: *Сбитый грубо, но крепко и надежно, как строительные козлы, стриженный наголо, с холодными рыбьими глазами, своим экстерьером он (немец) до боли напоминал лучшие экземпляры нашей отечественной люберецкой или, к примеру, солнцевской породы, именуемые... «пацанами», а собирательно «братвой»* (С. Устинов, Все колеса).

Другой путь проникновения жаргонизмов *братва* и *братки* в литературный язык – через средства массовой информации. В произведениях писателей-публицистов, в статьях и устных выступлениях современных журналистов лексема *братва* используется как синоним к слову *братки*, также являющемуся номинацией членов преступной группировки. В следующем контексте употребление обоих синонимов позволяет придать повествованию иронический характер: *Местная братва предложила владельцам ресторана свои услуги в качестве «крыши», но «Макдоналдс» отказался наотрез. <...> Вот обиженные братки и начали швыряться бомбами, надеясь запугать администрацию ресторана* (КП, 06.02.).

«Чужеродность» жаргонизма в тексте публицистического стиля и его особая стилистическая роль может подчеркиваться взятием жаргонизма в кавычки, например: *Мой приятель, командир группы захвата СОБРа...Боец такого уровня всегда будет востребован в Штатах, но этот будет работать в нашей милиции за гроши, хотя «братва» предлагает ему за аналогичную работу огромные деньги* (КП 30.04.99).

Но в большом количестве газетных статей кавычки отсутствуют. Это может служить косвенным доказательством того, что лексема уже не воспринимается как непривычное, малоупотребительное в литературном языке слово: *Фильм представляет собой попытку героизировать братву, обелить ее* (Собеседник, 1998, № 10); *Задел ли всеобщий обвал российскую братву? С таким вопросом корреспонденты «АиФ» обратились к некоторым представителям организованной преступности* (АиФ, № 6, 1998).

Эти и другие контексты свидетельствуют о том, что лексемы *братва* и *братки* расширяют

сферу употребления, выходя за пределы жаргонизмов, проникая через язык СМИ в литературный язык, и приобретают при этом иную стилистическую коннотацию – резко негативную социальную оценку противозаконной деятельности лиц этой социальной группы. Более того, характеризуя русскую разговорную речь, В.В. Химик толкует лексему *браток* через синоним *бандит* – ‘вооруженный грабитель’. Следовательно, в сознании законопослушных носителей языка это слово имеет не только негативную оценочность, но и высокую степень экспрессии.

Таким образом, наши наблюдения показали, что лексемы *братва* и *братки* имеют по две сферы употребления. С одной стороны, они функционируют в речи самих членов криминальных группировок для собственной номинации и поэтому не содержат негативной оценки в своей семантике. С другой стороны, поскольку остальными членами общества деятельность *братвы* и *братков* оценивается как преступная, противозаконная, то в стилистике литературного языка эти лексемы приобретают негативную стилистическую окраску. Следовательно, можно говорить о двух парах омонимичных образований, имеющих одно значение, но различающихся категорией социальной оценки.

В целом же, подводя итог наблюдениям над исследуемой группой существительных, отметим, что история этих лексем — яркое свидетельство динамичности семантико-стилистических отношений в русском языке. Категория социальной оценки находит своё яркое выражение в семантико-стилистической характеристике проанализированных слов. Она тесно связана с областью социальных отношений и отражает позицию адресанта, позволяя ему не только передавать информацию, но и выражать своё отношение к деятельности лиц.

Словари и сокращения

1. Сл. Ушакова – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М, 1935. Т.1.
2. Сл. Кузнецова – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2001.
3. Сл. Химика – Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / В.В. Химик. СПб., 2004.
4. Сл. Кириловой – Толковый словарь разговорного русского языка / А.Д. Кирилова. М., 2007.
5. Сл. жаргона – Большой словарь русского жаргона / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2000.

Список литературы

1. Солганик Г.Я. Лексика газеты. М., 1981.

THE CATEGORY OF SOCIAL EVALUATION IN THE GROUP OF NOUNS MEANING A PERSON

N.F. Krivova

The functioning of the category of social evaluation in the group of nouns meaning a person depends on the position of the social group to which the author of speech (addresser) belongs.

Keywords: social evaluation, semantics.